

Спустя пять дней после спасения Лито жил вместе с Гленом в маленьком особняке на побережье. Именно в этот особняк, а не во дворец, его вывезли из тюрьмы на карете. Точнее это был отдельно стоящий дворец, но не особо роскошный, с царившей атмосферой спокойной виллы. Юноша, находившийся на лечении, ничего не знал о происходящем за пределами особняка и услышал от Глена единственное «Никаких официальных проблем не возникло». Независимо от того, запретила ли говорить об этом королевская семья, или же тюремщик сам по себе умел держать рот на замке, похоже, всё было сведено к двум вещам, вызвавшим в обществе шум. Лито, мальчик, подозреваемый в шпионаже, умер в морской темнице, оставив после себя множество тайн, и Глен, наследный принц, отказался от помолвки.

Конечно, внимание общественности было приковано к последнему событию, и это, похоже, вызывало различные кривотолки, но Глен ясно дал понять Лито: «Я разорвал помолвку, потому что не могу думать ни о ком, кроме тебя». Он поставил на кон жизнь и положение, и таким образом получил эту свободу.

В нынешней ситуации, когда второй принц только начал ходить, первому принцу, любимчику народа, оборвать свою жизнь от несчастной любви или быть обвиненным в гомосексуализме было неприемлемо... обдумав это, король и королева позволили расторгнуть помолвку и отменить свадьбу. И сделали Лито, преступника, другим человеком... кроме того, они признали любовь Глена при условии, что юноша будет заперт в загородном особняке, а принц будет внимательно за ним следить и тщательно управлять дворцом. Естественно, это было сделано с большой неохотой, но сейчас у них не было иного выбора, кроме как дать свободу сыну, который боролся за свои интересы.

— Лито, ты проснулся, всё хорошо?

Когда юноша сел и посмотрел на ночное море, появился Глен с виноградом в руках. Было просто невыносимо, чтобы принц во дворце сам приносил кому-то ему еду.

— Господин Глен... Да, мне уже значительно лучше.

— Ты всегда так говоришь, но не пересиливай себя. Виноград доставили из дворца, и я его помыл. Думаю, это чрезмерная забота о сыне, сбежавшем из дома, но... виноград действительно очень вкусный. Если можешь есть, то кушай, пока он свежий. Тебе нужно подкрепиться и выздороветь поскорее.

— Это лишнее, господин Глен. Мне действительно жаль, что из-за меня вы столько делаете.

— О чём ты говоришь? Трудиться ради любимого человека — одно удовольствие. Разве тебе не знакомо это чувство?

— Нет, оно мне знакомо. Хорошо... знакомо.

Лито, поддавшись улыбке возлюбленного, поцеловал Глена, когда тот сел на краю кровати.

С тех пор как юношу перевезли в этот особняк у моря, Лито каждый день прикасался к Глену подобным образом. Он не давил на исхудавшего парня, но, вспоминая то, чем они как-то занимались в кровати, шептал тому на ухо: «Когда ты поправишься, в этот раз я хочу дойти до конца».

(Хочу выздороветь поскорее... Хочу набрать прежнюю форму, а потом... Хочу снова быть любимым господином Гленом. Полностью стать единым целым...)

Глен кормил Лито только мякотью, очищая виноград от кожицы. От одной ягодки, обладающей насыщенным вкусом, казалось, что всё тело наполнялось сладостью.

— Вкусно?

В насыщенной ароматами винограда комнате Лито, радостно улыбнувшись, ответил: «Да, очень».

Глен, отказавшийся от положения принца и выбравший запрещенную любовь, буквально светился от счастья. С настолько довольным видом, что даже не имело смысла спрашивать, правда ли его всё устраивало, он вытер виноградный сок с губ блондина. Затем облизал палец, касавшийся губ Лито.

— Так ещё слаще.

— Ну господин Глен!..

— Хочешь попробовать?

Принц озорно улыбнулся и сорвал виноградинку. Он положил её в рот, несколько раз прожевал и проглотил.

— Мн...

Целуя губы, влажные от сладкого сока, Лито почувствовал то явление, о котором он говорил. Богатый аромат усилился, словно виноград превратился в вино, и сладость, казалось, проникавшая даже в кости, переполнила юношу. Места, которыми они соприкасались, наполнились жаром, а языки в конце концов переплелись.

Кто ты такой и почему пришёл с фальшивым рекомендательным письмом... Глен ни о чём не спрашивал Лито. Не спрашивая о причинах, словно это было лишним, он просто посвятил себя тому, чтобы любить его изо всех сил. Вот почему юноша тоже от всей души хотел показать свою к нему любовь и поделиться чувствами. Иметь возможность сделать это — самое большое счастье из всех.

— Мх... Ах...

Юноша хотел стать его как можно скорее. Но хоть он и желал этого всем сердцем, его худощавому телу попросту не хватило бы сил. Возможно, из-за того, что он слишком долго пробыл в воде в человеческой форме, его ноги пострадали, и теперь он падал, как только ступал на землю. В руках не хватало сил, чтобы обнять Глена, из-за чего Лито был очень расстроен невозможностью выразить всю глубину чувств к Глену, и лишь поцелуи всё больше наполнялись страстью.

— Мн-н... угх!..

Между поцелуев рука Глена скользнула под подол его ночной рубашки. Она огладила стройные бедра и спустила нижнее бельё. Чтобы не навредить телу Лито, принц ни днём, ни ночью не бывал безрассуден. Но эта часть была очень длительной и насыщенной... они предавались предварительным безболезненным ласкам, потираясь возбужденными членами.

— А... ах... Нет, это...

Полуголому Лито, брошенному на кровать, раздвинули ноги, и принц вобрал в рот его орган. Было неловко, что благородные губы Глена проделывали подобное, однако, когда его осторожно облизали, умело используя язык, это было такое сильное ощущение, что юноше казалось, что рассудок покидает его. С каждым новым движением языка стыд улетучивался, оставляя только удовольствие и наслаждение.

— Не... А-ах!

— Мило... У тебя полно симпатичных местечек и много милых выражений лица, но в такие моменты реакция самая милая. Хочу тебя съесть...

— Фу-у... Ах... Хи-и!..

Лито, член которого заглатывали до основания, пропуская в горло, откинулся назад, разметав волосы по подушке. Когда два холмика, что должны были быть спрятаны в простыне, были схвачены большими руками, даже дыхание стало неприличным. Более того, он хотел дойти до конца, даже если это будет слишком. Его не волновало, какую усталость или боль ему придётся вытерпеть после того, как всё закончится... Он хотел быть любимым Гленом и стать с ним одним целым. Прямо сейчас, вот так, он хотел запечатлеть в глубине своего тела тот факт, что они единое целое.

— Угх... А-а-ах...

— Лито... Я знаю, что ты хочешь меня. Я бы тоже хотел этого...

Глен, у которого во рту был член юноши, выпустил его и, подтянувшись, добрался до его груди. Играя кончиком языка с уже затвердевшим соском, он сладким голосом протянул: «Лито...».

— Господин Гле-е-ен...

Ложбинка между двумя белоснежными холмиками, которые мяли руки bruneta, невыносимо ныла. Юноша уже начал познавать радость проникновения. За последние пять дней к нему прикасались множество раз, и пальцы Глена в полной мере успели изучить это местечко. И сейчас он снова раскрывал маленький бутон влажными пальцами.

— Мн-н-н... Ах... А-ах!..

В тот момент, когда пальцы принца достигли чувствительного местечка, Лито излился. Когда посасывали его соски и пальцы проникали в нежную дырочку, было очень приятно... достигшее оргазма тело било дрожью. Руки, ноги и член дергались так, что трудно было поверить, что они его собственные, и он не мог остановить то, что вырывалось наружу.

— Фуа-а-а... А-а... Ах!..

Оргазм юноши закончился не сразу, он изливался несколько раз, с перерывами. Пока он бился в крепких объятиях Глена, тот продолжал повторять: «Как мило...».

— Простите, господин Глен... Ваша одежда...

Не в силах ничего поделать со своим телом, Лито сильно сжал его плечи. Ему было жаль, что он испачкал прекрасную рубашку bruneta, но, несмотря на то, что он пытался отодвинуться, парень не смог сдвинуться даже на миллиметр.

— Не обращай внимания. Сейчас я сожалею только о том, что позволил твоему семени пролиться на рубашку, а не проглотил. Моя любовь и вправду такова, что имеет смысл ревновать к собственной рубахе?

Глен со смешком поднял взгляд и слизнул скользнувшую по груди Лито белую капельку. Собрав языком густую белую жидкость, он демонстративно громко сглотнул.

— Ах... мне это не нравится!

— Почему? Значит, ты не хочешь проглотить моё семя?

— Нет, это... это не так...

— Тогда ты понимаешь мои чувства? Я очень рад, что тебе так хорошо в моих объятиях. Я хочу больше прикасаться к тебе и видеть такое похотливое выражение лица.

— А-а, ах...

Принц облизал Лито от груди до живота, постоянно сглатывая. При этом доказательство его страсти скользило по ногам... желая полноценной связи с телом Лито.

Он не мог поверить, что никогда прежде не испытывал подобного. Все инстинкты юноши вопили о том, как это будет радостно и приятно слиться с ним в единое целое.

— Господин Глен... пожалуйста...

Лито, который морально и физически сгорал от животного желания, страдал он невозможности погасить это пламя. В свете луны и свечей он просяще раздвинул ноги.

— Лито...

— Глубоко внутри так горячо... Ноет... не перестает...

Юноша потянулся к трусам Глена, хоть и считал, что это бесстыдно. Стоило ему коснуться твёрдой выпуклости, как та дёрнулась, словно была самостоятельным живым существом. Пульсируя и дёргаясь в ладони парня, она становилась всё твёрже и твёрже. Соответственно и дыхание принца стало горячим и прерывистым.

— Когда ты станешь так же здоров, как раньше, сможешь бегать по саду, полному весенних цветов... искупаешься со мной в море, как и обещал... вот тогда мы сможем этим заняться...

«Так я решил в своём сердце...» — сладким прерывающимся голосом продолжил Глен. Однако решимость его дрожала так же, как и мерцающие тёмные глаза. И, конечно, в них светилось острое желание, которое не так-то просто было погасить. Член, которого касался Лито, стал твёрдым, почти как камень.

— Больше чем гулять и плавать... Я хочу принадлежать господину Глену...

— Лито...

Лежавший на нём принц накрыл губы юноши своими. От поцелуя, что был нежнее, чем когда-либо прежде, на глаза едва не навернулись слёзы. Подумав о том, что нельзя позволить появиться слезинке, которая превратится в жемчужинку, юноша сдержался, вместо этого начиная испытывать радость. Его руки двигались, словно пытаясь полностью вдавить его в тело Глена, правая зарылась в волосы на затылке, а левая лежала на поясе, в то время как ноги

были широко раздвинуты, приветствуя вторжение молодого мужчины.

— Угх... А-ах!..

Нежная плоть, привыкшая к пальцам, потихоньку расширялась. Орган Лито, единожды уже излившийся, слегка подувал от боли. Однако он почти тут же воспрял, а с головки начала сочиться смазка. Он и сам прекрасно ощущал эту мутно-прозрачную вязкую субстанцию. Она скользила по гладкой коже, прямо к месту соединения их тел. Это увлажнило вход и позволило проникновению стать более лёгким и плавным.

— Фуа-а-а... А-ах!..

— Лито... Мой возлюбленный Лито...

Протолкнувшись глубже, Глен начал двигаться. Когда его крупный член оказался внутри, было ощущение, словно плоть вот-вот разорвётся.

— Угх... Уагх!

Но это было именно то, чего Лито добивался, и тяжесть принца, которую он ощущал всем телом, и его жар, оставляющий след, — всё это дарило счастье. По сравнению с тем, что он получал взамен, боли словно и не было.

— А... ах... господин Глен!..

— Лито... наконец-то мы одно целое...

Скрип кровати и тяжёлое дыхание двух людей накладывались друг на друга. Русал искал губы принца, хотя от волнения порой не помнил, как дышать. Движения Глена напоминали большую волну, и Лито был счастлив, ощущая его внутри. С твёрдым, словно камень, символом его страсти, Глен изливал свою любовь, принявшую подобную форму. Какое же счастье приносил этот акт.

С этого момента он будет чувствовать любовь каждый раз, как окажется в его объятиях. От глубин нижней части его тела, охваченных жаром, до самого сердца каждый новый толчок... высекал их любовь.